

Т. Шевалье

Девушка с жемчужиной

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Т11

Т. Шевалье
Т11 Девушка с жемчужиной / Т. Шевалье – М.: Книга по Требованию, 2018. –
134 с.

ISBN 978-5-4241-3119-6

«Девушка с жемчужиной». Картина, много веков считающаяся одной из загадочнейших работ Вермера Делфтского. Но... в чем заключена загадка простого, на первый взгляд, портрета? Возможно — в истории его создания?, Перед вами — история «Девушки с жемчужиной». Вечная — и вечно новая история Художника и его Модели, история Творчества и Трагедии. Возможно, было и не так... Но — какое это имеет значение?

ISBN 978-5-4241-3119-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018
© Т. Шевалье, 2018

Трейси ШЕВАЛЬЕ
ДЕВУШКА С
ЖЕМЧУЖИНОЙ

Посвящается моему отцу

Матушка не сказала мне, что они придут. Потом объяснила: она не хотела, чтобы я заранее нервничала. Это меня удивило — я-то думала, она хорошо меня знает. Посторонние никогда не замечают, что я нервничаю. Я никогда не плачу. Только матушка заметит, что у меня напряглись скулы и расширились и без того большие глаза.

Я резала на кухне овощи, когда услышала на пороге голоса: женский, блестящий, как отполированная дверная ручка, и мужской, низкий и темный, как стол, за которым я работала. Такие голоса редко звучали в нашем доме. Они наводили на мысль о богатых коврах, книгах, драгоценностях и мехах.

И я порадовалась, что утром как следует вымыла крыльцо.

Потом из комнаты раздался матушкин голос — он наводил на мысль лишь о кастрюлях и сковородках. Они идут на кухню. Я отодвинула накрошенный сельдерей, положила нож на стол, вытерла о фартук руки и сжала губы. В дверях появилась матушка, остерегая меня взглядом, за ней появилась женщина, которой пришлось наклонить голову, чтобы не удариться о притолоку — она была очень высокая, выше следовавшего за ней мужчины.

У нас в семье все низкорослые, даже отец и брат.

У женщины такой вид, словно на улице сильный ветер, хотя на самом деле день был тихий. Ее шляпка съехала набок, и на лоб выбивались белокурые локончики, которые она несколько раз нетерпеливо откинула рукой, словно отгоняя пчел. Ее воротник тоже сидел косо и к тому же был не первой свежести. Она скинула с плеч серую накидку, и я увидела, что под синим платьем сильно выдается живот. Скоро — может быть, до конца года — у нее будет ребенок.

Лицо женщины напоминало небольшой овальный поднос, который то тускнел, то отливал серебром. Карие глаза — редкость у блондинок — поблескивали как коричневые пуговицы. Она делала вид, что внимательно меня разглядывает, но поминутно отвлекалась и рыскала глазами по комнате.

— Значит, это и есть та девушка, — отрывисто сказала она.

— Это моя дочь Грета, — ответила матушка. Я почтительно поклонилась гостям.

— Что-то она росточком не вышла. Она сможет делать тяжелую работу?

Женщина резко повернулась к мужчине и зацепила краем накидки нож, который лежал на столе. Нож упал на пол и завертелся волчком.

Женщина вскрикнула.

— Катарина, — спокойно сказал мужчина. Он произнес ее имя так, что от него словно пахло корицей. Женщина сделала усилие и овладела собой.

Я шагнула вперед, подняла нож, вытерла его краем фартука и положила обратно на стол. Нож задел нарезанные овощи. Я подвинула кусочек морковки на место.

Мужчина наблюдал за мной серыми, как море, глазами. У него было продолговатое, резко очерченное лицо, его выражение было ровным и спокойным — в отличие от жены, у которой оно металось, как пламя свечи на сквозняке. У мужчины не было ни бороды, ни усов, и это мне понравилось: я люблю чисто выбритые лица. На плечах у него был темный плащ, из-под него виднелась белая

рубашка с воротником из дорогого кружева. Шляпа плотно сидела на волосах цвета омытого дождем кирпича.

— Что ты делала, Грета? — спросил он. Меня удивил его вопрос, но я не подала виду.

— Резала овощи для супа, сударь.

Я всегда выкладывала кучки нарезанных овощей кольцом, словно слои в пироге. Всего было пять кучек — красная капуста, лук, сельдерей, морковь и репа. Я подровняла ножом край кольца и положила в центр кружочек моркови.

Мужчина постучал пальцем по столу.

— Они выложены в той последовательности, как пойдут в суп? — спросил он, разглядывая мой круг.

Я помедлила, не зная, как объяснить порядок овощей. Я просто выкладывала их так, как мне казалось правильным, но не посмела растолковывать это богатому господину.

— Я вижу, что две белые кучки лежат отдельно друг от друга, — сказал он, показывая на репу и лук. — А оранжевый и лиловый цвета плохо сочетаются. Как ты думаешь — почему?

Он взял пальцами кусочек моркови и полоску капусты и потряс их в сложенных ладонях, как игральные кости.

Я взглянула на матушку, которая незаметно мне кивнула.

— Эти два цвета режут глаз, когда они рядом, сударь.

Он поднял брови. Казалось, он не ожидал такого ответа.

— И много у тебя уходит времени на то, чтобы выложить овощи, прежде чем бросить их в суп?

— О нет, сударь! — воскликнула я, опасаясь, что он решит, будто я придумываю себе развлечения вместо того, чтобы работать.

Уголкем глаза я увидела какое-то движение. Моя сестра Агнеса выглянула из-за двери и покачала головой, услышав мои слова. Она знала, что мне не свойственно лгать. Я опустила глаза.

Мужчина повернул голову, и Агнеса исчезла. Он положил назад кусочек моркови и капусты. Полоска капусты зацепила кружок лука. Мне хотелось протянуть руку и отодвинуть ее на место. Я этого не сделала, но он знал, что мне этого хочется. Он меня испытывал.

— Ну, хватит попусту болтать, — объявила женщина. Хотя сердилась она на него — за то, что он уделил мне слишком много внимания — ее хмурый взгляд был направлен на меня. — Значит, с завтрашнего дня.

Она метнула взгляд на мужчину, резко повернулась и вышла из кухни. Матушка поспешила за ней. Мужчина еще раз поглядел на то, что должно было превратиться в суп, кивнул мне и последовал за ними.

Когда матушка вернулась, я сидела рядом с выложенными колесом овощами. Я молчала, ожидая, чтобы она заговорила первой. Она ежилась, как будто от холода, хотя стояло лето и на кухне было тепло.

— С завтрашнего дня ты начнешь работать у них служанкой. Если будешь справляться с работой, тебе будут платить восемь стюверов в день. Жить будешь у них в доме.

Я поджала губы.

— Не смотри так на меня, Грета, — сказала матушка. — Что делать — отец

ведь ничего не зарабатывает.

— А где они живут?

— На Ауде Лангендейк.

— В Квартале папистов? Они что, католики?

— Тебя будут отпускать домой на воскресенье. Они на это согласились.

Матушка взяла пригоршню репы, прихватив при этом немного капусты и лука, и бросила их в кипящую на огне кастрюлю. Старательно выложенные мной овощи смешались в кучу.

Я поднялась по лестнице к отцу. Он сидел перед окном чердачной комнаты, подставив лицо солнцу.

Его глаза уже не различали ничего, кроме солнечного света.

Раньше отец был художником по изразцам. И с его пальцев до сих пор не отмылась въевшаяся в них синева. Он рисовал синей краской на белых плитках купидонов, девушек, солдат, корабли, детей, рыб и животных, потом глазуровал и обжигал плитки, и они шли на продажу. Но однажды печь для обжига взорвалась и лишила его и зрения, и средств к существованию. И ему еще повезло — два человека от взрыва погибли.

Я села рядом с отцом и взяла его за руку.

— Знаю-знаю, — сказал он, прежде чем я успела раскрыть рот. — Я все слышал.

Потеря зрения обострила его слух. Мне не приходило в голову слов, в которых не звучал бы упрек.

— Прости меня, Грета. Мне хотелось бы обеспечить тебе лучшую жизнь. — Ямы, где раньше были его глаза и где доктор сшил ему веки, были исполнены печали. — Но он добрый человек. Он будет с тобой хорошо обращаться.

Про женщину он ничего не сказал.

— Откуда ты это знаешь, отец? Ты с ним знаком?

— А ты разве не узнала его?

— Нет.

— Помнишь картину, которую мы несколько лет назад видели в ратуше? Ее купил Ван Рейвен и выставил на всеобщее обозрение. Это был вид Делфта со стороны Роттердамских и Схидамских ворот. Помнишь, там было огромное небо, которое занимало большую часть картины, а на некоторых домах сверкали отблески солнца?

— И художник добавил в краски песок, чтобы кирпичи и крыши казались шероховатыми, — подхватила я. — А на воде лежали длинные тени. И на берегу он нарисовал несколько крошечных человечков.

— Правильно.

Выражение лица было такое, словно у отца все еще были глаза и он опять глядел на картину.

Я хорошо ее помнила. Помнила, как подумала, что стояла на этом месте столько раз и никогда не видела Делфт таким, каким его нарисовал художник.

— Так этот человек был Ван Рейвен? Патрон? — Отец усмехнулся.

— Нет, детка, это был не Ван Рейвен. Это был художник — Вермер. Иоганнес Вермер с женой. Ты будешь убирать его мастерскую.

К тому, что я собрала с собой, матушка прибавила запасной чепец, воротник и фартук — чтобы я каждый день могла, выстирав один, надеть свежий и всегда

выглядела бы опрятной. Еще она дала мне черепаховый гребень в форме раковины, который принадлежал еще моей бабушке и который совсем не подобало носить служанке, а также молитвенник, чтобы я защищалась молитвами от окружающего меня католицизма.

Собирая меня в дорогу, она объяснила, каким образом я получила место у Вермеров.

— Ты ведь знаешь, что твой новый хозяин — глава Гильдии святого Луки.

Я кивнула, пораженная, что попаду в дом такого известного художника.

— Так вот, Гильдия старается заботиться о своих нуждающихся членах. Помнишь, как к нам каждую неделю приходили со специальным ящичком и твой отец делал взнос? Эти деньги идут на помощь таким, какими теперь стали мы. Но их не хватает на жизнь, особенно сейчас, когда Франс проходит курс обучения ремеслу и ничего не зарабатывает. У нас не было выбора. Пособие на бедность мы принимать не хотим — пока способны перебиваться без него. Когда отец узнал, что твоему новому хозяину нужна служанка, которая убиралась бы в его мастерской, ничего не сдвигая с места, он предложил, чтобы они взяли тебя. Он думал, что Вермер, который как глава Гильдии хорошо знает о нашем положении, захочет помочь.

Из всего, что она наговорила, я не поняла одного:

— Как же можно убирать комнату, ничего не сдвигая с места?

— Конечно, тебе придется передвигать вещи, но надо будет придумать, как поставить их на то же самое место, — чтобы казалось, что ничего не трогали. Как ты делаешь для отца.

После того как отец ослеп, мы научились класть вещи всегда на одно и то же место, чтобы ему было легко найти то, что ему нужно. Но делать это для слепого человека — это одно, и совсем другое — для человека с зорким взглядом художника.

* * *

После ухода Вермеров Агнеса не сказала ни слова. Она молчала и когда мы легли с ней спать, хотя и не повернулась ко мне спиной. Она лежала, глядя на потолок. Когда я задула свечу, стало совсем темно и мне не было ее видно. Я повернулась к ней:

— Ты же знаешь, что я не хочу уходить из дома. Но приходится.

Молчание.

— Нам нужны деньги. Отец не может работать, и им неоткуда взяться.

— Подумаешь, деньги — восемь стюверов в день.

У Агнесы был сильный голос, словно ей заплело паутиной горло.

— Хоть на хлеб хватит. И еще можно будет купить кусочек сыра. Это не так уж мало.

— Я останусь совсем одна. Сначала Франс ушел, теперь ты.

Когда в прошлом году Франс поступил в ученье на керамическую фабрику, Агнеса расстроилась больше всех, хотя раньше они непрерывно ссорились. После его ухода она долго ходила скучная, словно на всех обидевшись. Она была младшим ребенком в семье и не помнила времени, когда бы в доме не было нас с Франсом. Теперь ей было десять лет.

— Но у тебя останутся матушка с отцом. И по воскресеньям буду приходить

я. Да и уход Франса не был неожиданным.

Мы задолго знали, что, когда Франсу исполнится тринадцать лет, он поступит на фабрику. Отец давно копил деньги на его обучение. Он без конца говорил о том, как Франс выучится ремеслу и как они вместе откроют фабрику.

Теперь отец сидел у окна и никогда не говорил о будущем.

После несчастного случая с отцом Франс пришел домой на два дня. И больше не приходил. Я видела его только однажды — когда сама пошла к нему на фабрику на другой конец города. У него был усталый вид и на руках виднелись следы ожогов: ему приходилось вытаскивать плитки из печей после обжига. Он рассказал мне, что работать приходится от зари до позднего вечера и иногда он так устает, что у него даже не остается сил поесть. «Отец не говорил, что мне придется так туго, — сердито пробормотал он. — Он всегда рассказывал, как много узнал во время обучения».

— Наверное, так оно и было, — отозвалась я. — Он стал мастером.

Когда я на следующее утро собралась уходить, отец вышел на порог, держась рукой за стену. Я обняла матушку и Агнесу.

— Ты и не заметишь, как придет воскресенье, — сказала матушка.

А отец вручил мне что-то завернутое в носовой платок.

— Это тебе в память о доме, — сказал он. — И о нас.

Я развернула платок. Это был его самый любимый изразец. Большинство плиток, которые он приносил домой, были бракованными — с отколотым уголком или криво обрубленными краями. Или с нечеткой картинкой из-за перегрева. Но эту отец сделал специально для нас. На ней была незатейливая картинка — мальчик и девочка. Они не играли, как обычно изображали детей на изразцах. Они просто шли рядом — как мы, бывало, гуляли с Франсом. Отец явно имел в виду нас, когда разрисовывал эту плитку. Мальчик, шедший немного впереди девочки, обернулся что-то ей сказать. У него было озорное лицо и встрепанные волосы. У девочки на голове был капор, надетый, по-моему, не так, как носили капор девушки постарше — завязав его концы под подбородком или позади на шее. Я носила белый капор с широкими полями, который полностью закрывал волосы и концы которого свисали по обе стороны лица, скрывая его выражение от всех, кто смотрел на меня сбоку. Капор был жестко накрахмален, потому что я кипятила его с картофельными очистками.

Я пошла по улице, держа в руке передник, в который были завязаны мои вещи. Было еще рано — соседи поливали из ведер крыльцо и тротуар перед своими домами и старательно отдраивали грязь. Теперь это придется делать Агнесе. И ей достанется много другой работы по дому — той, которую делала я. У нее будет меньше времени для игр на улице и возле каналов. Так что ее жизнь тоже изменится.

Соседи здоровались со мной и с любопытством смотрели мне вслед. Ни один не спросил, куда я направляюсь, и не сказал утешительного слова. Им незачем было спрашивать — они знали, что происходит в семье, когда отец становится инвалидом. Потом они посудачат между собой: Грета нанялась в служанки, дела у них плохи. Но они не будут злорадствовать. Такое может случиться с любым.

Я ходила по этой улице всю свою жизнь, но впервые почувствовала, что уйду из отцовского дома навсегда. Когда я завернула за угол и моим родным больше не было меня видно, мне стало немного полегче: я шла более твердым

шагом и смотрела по сторонам. Утро было прохладное, небо лежало над Делфтом как серо-белая простыня. Летнее солнце еще не успело ее разорвать. Канал, вдоль которого я шла, был как чуть тронутое прозеленью зеркало. Когда солнце поднимется выше, вода в канале потемнеет и примет цвет мха.

Мы с Франсом и Агнесой часто сидели на берегу канала и бросали туда камешки и палочки, однажды бросили разбитую плитку, воображая, как они опускаются на дно, задевая не рыб, а созданных нашим воображением тварей с множеством глаз, плавников и щупалец. Самых интересных чудовищ придумывал Франс. Агнеса же больше всех пугалась его выдумкам. Обычно игру останавливала я, потому что мне было свойственно видеть жизнь, как она есть, и трудно было придумывать что-то, чего быть не могло.

По каналу плыло несколько баркасов, направляющихся на Рыночную площадь. Но это было совсем не то, что в воскресенье, когда канал кишел разными судами, так что не было видно воды. Один из баркасов вез рыбу на рыбные ряды возле Иеронимова моста. У другого борта опустились почти вровень с водой — на нем везли кирпичи. Человек, управлявший этим баркасом, поздоровался со мной. В ответ я только кивнула и наклонила голову, чтобы скрыть лицо оборками чепца. Я перешла через канал по мосту и повернула на широкую Рыночную площадь, где было уже полно народу. Одни шли в мясной ряд за мясом, другие — в булочную за хлебом, третьи несли вязанки дров взвешивать в весовую. Было много детей, которых прислали за покупками родители, подмастерьев, выполняющих поручения хозяев, служанок, покупающих продукты для дома. По камням грохотали колеса телег. Справа виднелась городская ратуша. У нее был позолоченный фасад и арки над окнами, с которых смотрели вниз белые мраморные лица. Слева стояла Новая церковь, где меня крестили шестнадцать лет назад. Ее высокая и узкая башня напоминала мне птичью клетку. Отец однажды повел нас, детей, на смотровую площадку. Я никогда не забуду открывшуюся мне сверху панораму Делфта. Каждый узкий домик с крутой красной крышей, каждый зеленый канал и городские ворота, крошечные, но отчетливые, навсегда запечатлелись в моей памяти. Помню, я спросила отца, все ли голландские города выглядят одинаково, но он этого не знал. Он никогда не бывал в другом городе, даже в Гааге, до которой можно было дойти пешком за два часа.

Я пошла через площадь. В ее центре булыжники были выложены в виде заключенной в круг восьмиконечной звезды. Каждый ее луч указывал на разные районы Делфта. Мне эта звезда представлялась центром города и центром моей жизни. Мы с Франсом и Агнесой играли внутри этой звезды с тех пор, как достаточно подросли, чтобы бегать на Рыночную площадь. Нашей любимой игрой было выбрать луч звезды и назвать какой-нибудь предмет — аиста, церковь, тачку, цветок — и бежать в направлении луча в поисках этого предмета. Таким образом мы познакомились почти со всем Делфтом.

Но в одном направлении мы не ходили никогда — в Квартал папистов, где жили католики. Дом, в котором мне предстояло работать, был всего в десяти минутах от моего родного дома — на дорогу ушло бы не больше времени, чем требуется, чтобы вскипятить чайник. Но я там никогда не бывала.

Я не знала ни одного католика. Их вообще в Делфте было мало. И они никогда не ходили по нашей улице и не заходили в наши магазины. Не то чтобы мы их избегали — просто они держались особняком. Их терпели в Делфте, но им не

рекомендовалось выставлять свою веру напоказ. Так что католики отправляли свои службы незаметно, в зданиях, которые снаружи и не были похожи на церкви.

Моему отцу приходилось работать с католиками, и он говорил, что они ничем не отличаются от нас. Они любят выпить и закусить, петь песни и играть в карты. Можно было подумать, что он им завидовал.

Теперь я пошла в направлении, куда указывал луч звезды, которого мы всегда избегали. Я шла медленнее всех — так мне не хотелось идти в незнакомое место. Я перешла по мосту через канал и повернула налево по улице Ауде Лангендейк. Канал шел слева параллельно улице, отделяя ее от Рыночной площади.

Около дома, стоявшего на пересечении Ауде Лангендейк с Моленпортом, на скамейке рядом с раскрытой дверью сидели четыре девочки. Они сидели по росту, начиная со старшей, которая, видимо, была ровесницей Агнесы, и кончая малышкой лет четырех. Одна из девочек, сидевших посередине, держала на руках младенца месяцев десяти, который, наверное, уже умел ползать и скоро начнет учиться ходить.

Пятеро детей! — подумала я. И еще один на подходе. Старшая сестренка выдувала мыльные пузыри через створчатую раковину, пристроенную к концу полой трубочки — примерно такой же, какую для нас сделал отец.

Остальные девочки вскакивали и хлопали ладошками по пузырям. Девочке, на коленях которой сидел ребенок, было трудно подпрыгивать, и она редко попадала по пузырю, хотя и сидела рядом со старшей. Малышка на краю была дальше всех, и ей не доставалось вообще ни одного пузыря. Та, что сидела рядом с ней, была самой быстрой: она носилась за пузырями и почти всегда успевала их прихлопнуть. У нее были самые яркие волосы из всех четырех сестер, похожие на кирпичную стену, возле которой они сидели. У младшей и у той, что держала на коленях ребенка, волосы были светлые и кудрявые, как у их матери, а старшая пошла в отца и была шатенкой.

Я смотрела, как ярко-рыжая девочка прихлопывала пузыри, прежде чем они успевали опуститься на диагонально уложенные перед домом серые и белые плитки. Да, на тебя будет нелегко найти управу, подумала я.

— Старайся прихлопнуть их до того, как они опустятся на плитки, — сказала я, — а то их придется мыть еще раз.

Старшая девочка опустила трубку. Четыре пары глаз уставились на меня с одним и тем же выражением, не оставлявшим сомнения, что глаза принадлежат сестрам. В девочках легко можно было заметить черты сходства с родителями — у одной серые глаза; у другой карие, продолговатые лица, резкие нетерпеливые движения.

— Ты новая служанка? — спросила старшая.

— Нам велели тебя выглядывать, — вмешалась рыжая, прежде чем я успела ответить.

— Корнелия, пойдй позови Таннеке, — сказала ей старшая.

— Сходи ты, Алейдис, — приказала Корнелия младшей, которая смотрела на меня широко открытыми серыми глазами, но не сдвинулась с места.

— Ладно, я сама схожу.

Старшая, видимо, решила, что мой приход — достаточно важное событие.

— Нет, я! — закричала Корнелия, вскочила с места и побежала впереди

старшей сестры, оставив меня с двумя более спокойными девочками.

Я посмотрела на ребенка, который крутился на коленях девочки.

— Это твой братик или сестренка?

— Братик, — ответила она мягким, как пуховая подушка, голосом. — Его зовут Иоганн. Никогда не зови его Яном.

Последние слова, видимо, без конца повторяли у них в семье.

— Ясно. А тебя как зовут?

— Лисбет. А ее Алейдис.

Младшая девочка улыбнулась мне. Они обе были чистенько одеты в коричневые платья, белые фартучки и белые капоры.

— А как зовут твою старшую сестру?

— Мартхе. И никогда не называй ее Мария. Это имя нашей бабушки. И дом тоже бабушкин.

Ребенок захныкал. Лисбет посадила его верхом на колено и стала подбрасывать, как на лошадке.

Я посмотрела на дом. Он, несомненно, был роскошнее нашего, но не такой роскошный, как я опасалась. В нем было два этажа и мезонин, а в нашем — только один этаж и крошечная чердачная каморка. Это был последний дом на улице, и с одной стороны от него шел Моленпорт, так что он был немного шире других домов на этой улице и не так сдавлен, как большинство домов в Делфте, которые жались друг к другу узкими фасадами, выходившими на каналы, и чьи трубы и крутые крыши отражались в зеленой воде. В этом доме окна первого этажа были расположены очень высоко, а на втором этаже на улицу смотрели тесно прижатые друг к другу три окна, тогда как в других домах их было по два.

От входа в дом была видна башня Новой церкви, стоявшей прямо напротив на другой стороне канала. Странно, что католики выбрали дом с видом на церковь, в которую никогда не заходят, подумала я.

— Значит, это ты и есть новая служанка? — услышала я голос у себя за спиной.

В дверях стояла женщина с широким лицом, испещренным рябинами оспы. У нее был большой нос картошкой и толстые губы, которые она так плотно поджимала, что рот казался маленьким. Глаза у нее были светло-голубые, как летнее небо. На ней было серо-коричневое платье поверх белой блузки, капор, завязанный сзади, и фартук — не такой чистый, как мой. Она загораживала собой всю дверь, так что Мартхе и Корнелии с трудом удалось протиснуться мимо нее. Руки у нее были сложены на груди и в глазах была опаска.

«Она боится, что я подорву ее авторитет, — подумала я. — И будет мной помыкать, если я позволю».

— Меня зовут Грета, — сказала я, спокойно встречая ее взгляд. — Да, я буду работать здесь служанкой.

Женщина переступила с одной ноги на другую.

— Тогда заходи, — помедлив, сказала она и отступила от двери, открыв доступ в дом.

Я переступила порог.

У меня в памяти навсегда осталось первое впечатление, которое на меня произвела прихожая: какое множество картин! Я остановилась в дверях, вцепившись в свой узелок и изумленно вытаращив глаза. Картины мне приходилось видеть и раньше — но не в таком количестве и не в одной комнате. На самой